

Из воспоминаний Тереховой-Татауровой А., старшины медслужбы 303-й стрелковой дивизии о действиях 847-го стрелкового полка. 4 июля 1969 г., 19 ноября 1982 г.

Окончив двухгодичную школу медсестер в 1940 году 19-летней комсомолкой, я, как и многие другие девушки, добровольно была зачислена в ряды Советской Армии 303-ей стрелковой дивизии 847-го стрелкового полка, который формировался в городе Гурьевске в 1942 году.

С волнением вспоминается тот день 2 апреля 1942 года, когда я по повестке пришла в военкомат. Нас было много, и каждый из нас знал, что мы поедem на фронт.

Провожали нас из Гурьевска 22 апреля утром. Провожали в тот памятный день жены своих мужей, дети – отцов, матери – сыновей, а девушки – своих влюбленных.

Много было слез и напутственных слов для тех, которые уезжали на фронт. А ведь многие из нас так и не вернулись.

Прозвенел вокзальный сигнал: «На посадку!». Прозвучала команда: «По вагонам!».

И вот тронулся поезд, застучали вагоны, остались позади родные и близкие. И у нас от спазма перехватила горло, отъезжая от родного дома. Постепенно слезы заменили песни.

Много нами было перепето песен – грустных и веселых. Поехали на фронт не сразу. Сначала проходили военную подготовку в городе Буге Ярославской области.

На фронт выехали в конце июля 1942 года. Наша дивизия высадилась в городе Липецке в середине июля. Под Воронеж шли 120 км, стояла жаркая погода. Солнце пекло, казалось, раскаленным июльским небом.

Маршевый поход продолжается три дня. Не доходя Воронежа несколько километров, был сделан большой привал, где мы находились целый день. Здесь я написала первое письмо перед боем домой.

«Здравствуй, дорогая мамочка!

Немного о себе. Жизнь моя, сама знаешь, какая. Теперь мы почти на фронте. Вот уже теперь я слышу гул немецких самолетов и глухие взрывы снарядов. Сейчас все настроение, чтобы скорее разбить врага.

Я сейчас в санитарной роте. Да! Дорогая мамочка! Проехали много городов, Новосибирск, Москва, скоро будем в Воронеже. Но не пришлось. Уж очень крепко закрепился там фашист».

Вот с такими мыслями подходила я к Воронежу. К Воронежу подходили ночью. Шел сильный дождь, ноги тонули в грязи, устали, кончались продукты из неприкосновенного запаса.

А вот и пришли. Враг нас встретил, конечно, не с музыкой и с цветами, а с огнем.

Утром 18 июля 1942 года наша санитарная часть развернула палатки в лесу на Лысой горе. Мимо нас проходили батальоны нашей дивизии, а вместе с ними и уходили наши подруги, усталые и голодные.

В бой пошли сразу, не успели даже поесть. Я не видела самого сражения в первый день, но я слишком хорошо представляла себе характер этого сражения. К нам стали поступать раненые. В расположенных палатках и вокруг них лежали раненые. Им была нужна немедленная помощь, а поступали все новые и новые раненые. Их было так много, что мы не успевали оказывать помощь и отправлять в медсанбат.

Сколько было пролито слез! Вначале оплакивали каждого раненого, а потом и слез не стало, и сердце стало каменным.

Как сейчас вижу, подхожу к палатке, сидит Лена Синкина с забинтованной головой. К палатке подходит Рая Борцова раненая в грудь. Прямо под открытым небом на носилках лежит Петя Смагин из 85 полка. Рядом с ним лежит боец Шарко, не помню, из какого батальона. А сколько

погибло наших сибиряков – боевых друзей – на поле боя в этот день, командира дивизии Остроухова, комиссара Иванова.

Погибли наши подруги Люба Богадюк, Нина Власова, Нина Сидельникова, Клава Говорухина и многие другие.

Я как сейчас помню так ясно раненого бойца, лежащего на передвижном столе. У него было тяжелое состояние. Осколочное ранение под лопатку. Из-под раздробленных ребер виднелась легочная ткань /пневмоторакс/.

Он дышал прямо в рану. Издающийся свист разносился по всей палатке, а он, захлебываясь, хватал ртом воздух. Затуманенный взгляд и землистый цвет лица говорили о смерти.

Мы оказывали ему помощь с врачом Тумановой.

Туманова мне говорит: «Введи ему камфару». «А шприц ведь не кипяченный», - сказала я. «Делай не кипяченным». Ввела я ему камфару, обработали рану, сделали неотложную помощь. Но бесполезное было наше старание, он умирал у нас на глазах. Обернулась я, стоит Валя Федосеева, слезы текут у нее по щекам. «Ох! Милая Сашенька! Как мне его жаль, он ведь умирает!»

Два дня без отдыха, не покладая рук, оказывали мы помощь раненым. Но мало оставалось наших подруг на передовом крае. Пошла и я на передовую со своими подругами.

Помню, ночью поехали на передовую собирать раненых в сопровождении ф[ельдше]ра Коваленко, по направлению роши Сердца. Шел дождь, началась гроза, а невдалеке рвались снаряды. Страшно стало, не скроешь. Раненых было найти невозможно. Решили ждать до утра в окопах.

Сидели с Валею Федосеевой вдвоем. Тесно, окопчик маленький, а рядом минное поле. Нечаянно Валя поцарапала мне каской лицо. Кровь течет по лицу, падают с бруствера грязные комки глины, а мы сидим, прижавшись друг к другу.

Много нам приходилось выносить раненых с поля боя, а они были разные. Одни были легко ранены, другие тяжело.

Те, которые были легко ранены выходили сами, некоторые с помощью нас и общими усилиями.

А были и такие. Выносила я однажды раненого узбека. У него было пулевое ранение в руку повыше локтя. Перевязав руку, я стала выводить его по траншее. Так он, кажется, так ослаб, что всем телом навалился мне на плечи и идти не может.

А ведь ноги-то у него целые были. Трудно было выносить тяжелораненых.

Волочешь, бывало, на шинели или плащ-палатке тяжело раненого бойца. Пот льет, жара невыносимая, жажда, пить хочется.

Сделаешь небольшую передышку и снова в укрытие тянешь. Выносили мы тяжело раненого бойца с одной девушкой, фамилию сейчас не помню, дотащили его в укрытие, а он умер, не сказав нам ни слова. Вытащили мы у него документы. А вместе с документами была фотография его жены. Она была тоже в военной форме, сдали документы, а фотографию я взяла себе: «Буду жива, - сказала я, – вернусь домой, расскажу, как погиб».

Он был сибиряк, из города Салаира.

Бой под Воронежем был долгим. Очень тяжелое это было время. Горела земля и небо, нельзя было поднять голову, а нам надо было выносить раненых с поля боя.

После сильных сражений, оставшись в живых, стали писать письма родным.

Вот мое первое письмо, которое я написала после боя:

«Письмо с фронта матери.

Родная мать!

Твое письмо простое

Мне принесли вчера, но лишь сейчас

На берегу речушки после боя
Его прочесть сумела в первый раз,
И я тобой горжусь, моя родная!
Твой гнев к врагам мене давно знаком.
Вы там, в тылу, а я на фронте знаю,
За что дерусь гранатой и бинтом.
В полях колхозных, золотому жити
Под сапоги немецкие не лечь.
Сожжем зерно, но не дадим бандиту
Из нашей ржи хлебов себе напечь.
Здесь все бойцы одно имеют свойство
И побеждать и жертвовать собой
И нету в том особого геройства,
Что сделала, ведя свой первый бой.
Наш командир, любимец нашей роты,
Наш политрук от них не отделим,
Во всех делах видна его забота
В огонь и воду мы пойдем за ним.
И обо мне прошу тебя мамаша
Ты не болей, ни сердцем, ни душой.
Вернусь домой в семью большую нашу,
На весь наш дом закатим пир большой
И обо мне, моя родная,
Не плачь, еще тебя я раз прошу.
Идет обстрел, одеть придется каску,
А я на ней письмо тебе пишу».

Много было таких писем написано домой на Родину.

После сильных боев под Воронежем наши дивизии стали укреплять оборону. Стояли в обороне шесть месяцев. Жили в землянках, ходили по траншеям. Я находилась при санроте. Раненые стали поступать реже, были

и больные. У нас в палатке был развернут стационар, где мы лечили больных. Много было работы. И санитарная, и лечебная работа – все относилось к нам – медикам. Дежурили и на переднем крае по очереди.

Вспоминаются отдельные тихие вечера на передовой.

Сидишь в землянке, а вечер темный, дует тихий летний ветерок, невольно вспоминаешь мирное время. Мысли прерывает автоматная очередь со стороны немецкой обороны. А на горизонте то тут, то там, освещают немецкие ракеты нашу оборону. Да фашист напевает на ломаном русском языке «Катюшу». Такое зло возьмет на проклятого гада. Так и хочется встать во весь рост и закричать на весь мир: «Уходи, проклятый фашист, с нашей родной земли! Не топчи наши поля, не разрушай наши города и села!»

В обороне стояли до января 1944 года. В январе 1943 года наши части пошли в обход Воронежа. Под Воронежем в каждом батальоне оставалось по роте. Наши дивизии продвигались на запад. Прошли Воронежскую область*. Шли днем и ночью.

Бывало, идешь в строю и спишь на ходу. Было и так: впереди село, а там немец. А мороз какой, и обогреться негде. А как приятно было вздремнуть даже и на снегу.

Много раз приходилось быть в боях, дрались почти за каждый населенный пункт. Помню такой бой в Курской области /село не помню/ в феврале месяце 1943 года. Вошли в село утром, на рассвете. По одну сторону села продвигался наш полк, по другую немецкие части двигались. Завязался бой, наша санчасть расположилась в хатах, куда стали поступать раненые. Во время боя была убита наша боевая подруга Вокуленко Катя /эта девушка была из пополнения под Воронежем/. Начальник санроты Губарев приказал мне ехать с ранеными в село, где не было немцев. Раненых я поместила в трех хатах. В уходе за ранеными, в питании их мне помогали местные жители. К половине дня раненых у меня было примерно

---

* *Далее зачеркнуто:* Шли по направлению Курской дуги.

около двадцати человек. Мне приходилось ходить из дома в дом, дежурить около раненых, днем и ночью без отдыха и без помощи врача. На второй день у меня кончился перевязочный материал и остальные необходимые медикаменты. Я успокаивала каждого раненого, обещала им, что скоро прибудет медсанбат. Но медсанбата не было. Я и сама знала, чем дело окончится. Раненые все сильнее и сильнее стали беспокоиться, а тяжелораненые стали слабеть. Особенно очень трудно было смотреть на тяжело раненого бойца в живот. Около него мне приходилось просиживать часами. Он был без сознания. Входя в сознание, он просил помощи.

Говорил, как он хочет жить! Он был совсем молод. А как ему хотелось вернуться домой! Вид у него был бледный, потрескавшиеся губы, нос заострился. Я знала, что он умрет. Но чем могла я ему помочь? Ввести камфару, да и только. А ему нужна была врачебная помощь – операция. На второй день он скончался, его похоронили местные жители. На третий день подъехал медсанбат, и я сдала своих раненых. В течение трех суток по селу, где я находилась с ранеными, прошло очень много немецких пленных. Они шли взводами, с поникнувшей головой, с недовольным лицом. Особенно много сдавалось в плен мадьяр. И так тошно было на них смотреть, на этих фашистов – убийц и грабителей.

Сопровождали их бойцы нашей дивизии. Я присоединилась к бойцам нашего полка и снова нашла свою санроту.

Наша санчасть вместе с дивизией прошли уже много километров и понесли большие потери, попали под бомбежку в чистом поле. Здесь погибла Бобрусева Оля, она погибла так, что нельзя было найти частей тела. Здесь погиб ездовой Першилин, начальник аптеки Коля /фамилию я забыла/ и многие другие. Мы все шли и шли, а наши батальоны все редели. В санроте нас оставалось тоже мало. Пополнения не было. Отступая, фашисты жестоко сопротивлялись.

Помню, войдем в село – нет немцев. Смотришь, нагрянет черной стеной. Вот такое несчастье случилось с нашей санротой, в Курской

области, селе Кревцево в феврале месяце 1943 года. Вошли в село вечером без боя. Но по всему было видно, что здесь был бой. В селе было много убитых, замерзших немецких трупов.

Село это Кревцево или железнодорожная станция, я не знаю.

Но хорошо помню, имеется вокзал и проходит железная дорога. Когда мы вошли в село, у нас было двое раненых, тоже сибиряки, фамилии их сейчас не помню. Раненых поместили на вокзале. Дежурить с ранеными оставались Клава Бобрусева и Шура Лысенко.

Наш полк продвигался в соседнее село. А мы остались в этом поселке. У нас оставалось две повозки и две лошади. Расположились по два, по три человека в хате. Дом, в котором мы поместились, был большой, деревянный. Когда мы с Верой Злобиной переступили порог этого дома, то увидели большую русскую печь, пустую кровать и стол. Так бедно жили те люди. Так обеднели они за годы войны.

Нас встретила женщина средних лет. Какая она была добрая! У меня невольно сжалось сердце. В этот вечер она нам заменила родную мать. Она нас раздела, накормила, обогрела.

Семья этого дома состояла из 6 человек: хозяйка дома Кольцева, ее сын Алеша 18 лет и дочь Дуся, взрослая девушка.

Другая женщина жила на квартире. У нее были две девочки – Оля и Вера. Приютила нас добрая женщина и уложила в постель, а в печь поставила чугунок с водой. Утром, говорит, разбужу пораньше, вымойте головы.

Пожалела нас разбудить пораньше. А наутро немцы пришли. Когда разбудили, то по селу уже ходили в маскировочных халатах немецкие разведчики. Не могу выразить, как нам стало страшно, впервые увидев немцев живых. [...]

[...] Наших уже никого не было, все ушли в село Зорино, где сражался полк. Хозяйка не растерялась, быстро передела нас в гражданское. Сыну она велела надеть женское платье. Позже выяснилось,

что такая предосторожность не была излишней. Девушек, которые оставались с ранеными в доме у вокзала немцы захватили врасплох и расстреляли вместе с ранеными. Погибли Шура Лысенко, Клава Бобрусева. Три дня через наше село двигались немецкие обозы. Немцы увидели у нашего дома санитарные повозки. Медикаменты разбросали по двору, а лошадей увели. В доме, где мы находились, всю ночь кутили немецкие офицеры. Мы боялись, как бы они не обнаружили наши шинели на койке под матрацем. Свои гимнастерки, комсомольские билеты мы зарыли в сугробе. Наша тревога усилилась после того, как немцы на второй день увели сына хозяйки Алешу. К счастью, ему удалось бежать. Только на четвертые сутки вышли мы на улицу. Мы увидели девушек из нашей санроты – Лену Козлову и Лиду Антошечкину, которые тоже укрывались от немцев. Они стояли и разговаривали со старшиной артполка. Этот старшина и привез нас в Зорино, где находилась наша санрота и весь наш полк. [...] Много лет спустя, в 1962 г. я разыскала ту семью, у которой мы спасались от немцев. Матери уже не было в живых, а с детьми я переписываюсь по сей день, нас на всю жизнь породнили несколько дней войны. [...].

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 315, л. 7-14. Подлинник. Машинопись; ф. Р-1483, оп. 1, д. 18, л. 2-5об. Подлинник. Рукопись.